

Ивана Хорбец

PhD, научный сотрудник, Институт хорватской истории, Загреб, Хорватия. 10000, Zagreb, Opatička 10. E-mail: ihorbec@isp.hr

Многоязычие в хорватских землях под властью Габсбургов в XVIII в.

В статье рассматривается роль многоязычия в хорватских землях под властью Габсбургов в XVIII в. Основное внимание уделено хорватско-славонскому дворянству и иным местным элитам (духовенство, офицеры, врачи, инженеры и др.) как части общества, восприимчивой к влиянию образовательных норм и языковой политики, проводимой венским двором. Дан комплексный анализ уровня знаний разных языков в хорватском обществе в XVIII в., показаны влияние политики в сфере образования и важность выбора языка для социальной и политической репрезентации. Доказывается, что культура образованной, политически наиболее активной части хорватского общества вплоть до первой половины XIX в. оставалась в основе своей многоязычной в силу особенностей языковых практик и благодаря тому обстоятельству, что венский двор сделал для утверждения национального языка больше, чем хорватские элиты. Исследование основано на документах из государственных архивов Хорватии, Венгрии и Австрии и ряде опубликованных источников, таких как переписка, мемуары и публицистика.

Ключевые слова: многоязычие, история Хорватии, Габсбургская монархия, венский двор, история образования, история элит

Даже при поверхностном знакомстве с официальными и личными бумагами самой образованной части населения хорватских земель под властью Габсбургов в XVIII в. становится ясно, что современный историк, чтобы понимать содержание этих документов, должен владеть несколькими языками. Помимо текстов, написанных на латыни, являвшейся тогда административным языком в Хорватии и Славонии, встречается много записей на немецком, французском, итальянском (его венецианском наречии), венгерском и,

Статья написана при поддержке Хорватского научного фонда, проекты №№ IP-2018-01-2539 и IP-2016-06-4476.

конечно, на хорватском языке, родном для большинства жителей королевства. Хорватско-славонское дворянство, подавая прошения о принятии на статскую или военную службу в Габсбургской монархии, особо подчеркивало знание латинского, венгерского, немецкого, итальянского или французского языков, и дошедшие до наших дней эпистолярные коллекции подтверждают владение этими языками. Полигlossия, конечно, была отличительной чертой элит во всей Европе в эпоху Просвещения¹, но хорватские земли можно рассматривать как особо характерный пример означенного явления. Если в политической, социальной и культурной сфере континента в раннее Новое время (в некоторых случаях — до конца XVIII в.) в публичной сфере утвердился примат народных языков, то в Хорватии и Славонии латинский язык сохранял статус официального вплоть до 1847 г. Культурную жизнь вслед за латынью на протяжении всего XIX в. определяли и живые иностранные языки — прежде всего, немецкий, французский, а затем и венгерский. Каждый из этих языков играл особую роль в жизни населения хорватских земель; о социальном, культурном или политическом окружении говорящего можно было судить по выбору им языка.

Цель статьи — проанализировать степень востребованности иностранных языков и значение многоязычия в хорватских землях под властью Габсбургов в XVIII в., особое внимание уделено хорватско-славонским элитам как части общества, наиболее подверженной влиянию образовательных норм и языковой политики габсбургских властей. На основе архивных документов и текстов того времени (корреспонденции, мемуаров, нормативных актов и иных публикаций) исследуется важность владения теми или иными языками в XVIII в., зависимость языковой практики от политики или социальных отношений и значение выбора языка для социальной или политической репрезентации индивида². В центре исследования в географическом плане находятся хорватские земли, которые

¹ Rjéoutski, Frijhoff (eds.), 2018; Glück, Häberlein, Flurschütz da Cruz (Hrsg.), 2019; Evans 2004.

² Результаты исследования уже опубликованы в ряде статей: Horbec, Matasović 2019; Horbec, Matasović 2018; Horbec 2018; Fischer 2001. В данной статье представлены новые данные продолжающегося исследования архивных материалов (переписка из семейных фондов Хорватского государственного архива и Венгерского национального архива).

в течение XVIII в. были под властью Габсбургов, при этом рассматриваются как их гражданская (королевство Хорватии и Славонии), так и военная (Военная Граница) части. Хронологически исследование сконцентрировано на XVIII в. Это был период обновления после продолжительных войн с Османской империей, он считается ключевым для понимания отношения образованной общественности как к изучению современных иностранных языков в качестве маркера принадлежности к определенному культурному кругу, так и к изучению национального (в данном случае хорватского) языка, рассматривавшегося в качестве интегрирующего фактора в размышлениях современников о политической идее нации. Попробую аргументировать тот тезис, что культура образованных и политически активных слоев общества в хорватских землях именно из-за специфичности языковой практики оставалась подчеркнута многоязычной вплоть до конца XIX в. Также я постараюсь объяснить, почему утверждению национального языка в середине XIX в. больше способствовала образовательная политика венского двора, чем действия хорватской элиты.

Территория, общество и языковые практики

Область, на которую распространяется исследование, охватывает две части Габсбургской монархии в период раннего Нового времени. Они существенно различались по языковой практике и языковой политике. С одной стороны, значительная часть исследования относится к королевству Хорватии и Славонии (полное название «*Regna Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae*», или дословно «Королевства Далмации, Хорватии и Славонии»)³. Его территория охватывала «гражданскую часть», которая также была частью земель короны св. Стефана или Венгерского королевства в составе владений Австрийского

³ В историографии эта область часто именуется «Банская Хорватия» — то есть территории под юрисдикцией Хорватско-славонского сабора и бана. Туда включаются три хорватских (Вараждин, Загреб, Крижевцы) и три славонских (Пожега, Вировитица, Срем) комитата (жупании) с гражданским управлением. Также эти части королевства называют «Гражданская Хорватия» и «Гражданская Славония», чтобы отделить их от областей с военной администрацией. Указание Далмации в официальном названии королевства на протяжении раннего Нового времени связано исключительно с декларативными властными притязаниями. Далмация до 1797 г. находилась под управлением Венеции и поэтому не относится к предмету исследования.

дома. При этом хорватско-славонские сословия, согласно *Corpus juris Hungarici* (корпусу законов Венгерского королевства), сохраняли значительную автономию во внутреннем управлении (административную и финансовую). С другой стороны, в составе владений Австрийского дома находилась и область Военной Границы, управлявшейся напрямую из Вены через Придворный военный совет территории вдоль границы с Османской империей. Политическое и социальное развитие в этих двух частях хорватских земель под властью Габсбургов зависело от различных политических решений: Хорватия и Славония управлялись по законам и обычаям Венгерского королевства, а Военная Граница — через особые распоряжения, которые в вопросах образовательной политики главным образом совпадали с циркулярами, принимавшимися для Чешско-Австрийских наследственных провинций.

Среди образованной части населения в королевстве Хорватии и Славонии можно выделить духовенство, дворянство и немногочисленные профессиональные группы врачей, хирургов или инженеров. Для Военной Границы это было, прежде всего, офицерство, почти исключительно иностранного происхождения (если не считать так называемую Банскую границу, где офицерские должности сохранялись за хорватско-славонскими дворянами), кадры военного управления, а также разные специалисты, которых на данной территории было особенно много. В Хорватии и Славонии дворянство, которое считалось носителем национальной идентичности вплоть до конца XIX в., прежде всего из-за традиции военной службы во время войн против османов, а также отчасти и из-за недостатка сильно-го бюргерства сохранило по отношению к прочим слоям населения четко разграниченный правовой статус. Практика употребления языков в дворянской среде сильно влияла на общую языковую ситуацию в королевстве, поэтому здесь уместно детально рассмотреть структуру и состав хорватско-славонского дворянства.

Дифференциация знатных и незнатных в течение всего XVIII в. оставалась господствующим делением в обществе, но и дворянство было весьма гетерогенно, а динамичные административные реформы способствовали еще большему его расслоению. Число дворян увеличивалось в течение XVIII в., при этом в 1780-е годы почти 90 % всего дворянства составляли его беднейшие слои, не имевшие ни поместий, ни зависимых крестьян. Магнатские семьи были малочисленны, но имели до 70 % территории дворянского землевладения в целом.

Помимо небольшого числа родов, чьи владения находились преимущественно на территории хорватских земель (Драшковици, Оршичи, Патачичи, Пеячевичи, Войковичи/Войкфи), было также немало магнатских семей, имевших иноземное происхождение (например, Сермаж, Надашди, Баттяни, Эрдёди, Перлаш, Эльц). В силу социальной активности эти семьи определяли культуру хорватской элиты⁴. На местном уровне самым влиятельным было среднее дворянство, часто поколениями связанное с несением сословной службы (например, семейства Раух, Раффайи, Маленич, Магдич, Юршич, Циндери, Магдаленич, Чукулини, Кеглевич, Елачич, Шкрлец). Оно же зачастую было и наиболее консервативным, так как их главный интерес заключался в сохранении привилегий и традиционной системы управления. Прослойка горожан была малочисленной и политически пассивной. Крупнейшие города (Загреб, Вараждин, Фиуме (совр. Риека), Пожега, Крижевцы, Копривница) насчитывали 2,5–5 тыс. жителей, а управление городами осуществляло главным образом дворянство, которое в течение XVIII в. интенсивно селилось в этих городах.

Политическое и общественное пространство в хорватских землях отличалось многоязычием отчасти из-за политической раздробленности, а отчасти — из-за крайне разнородного состава местных элит. Различались и языки управления: в Хорватии и Славонии, так же как и во всем Венгерском королевстве, официальным языком был латинский; на Военной Границе — немецкий.

Латинский язык доминировал в публичном пространстве не только в политике (управлении), но и в общественной, культурной и научной сфере. Для образованных людей латынь не только являлась официальным языком, но и часто выбиралась для написания литературных произведений или личных писем, причем, даже для адресатов, говоривших на том же языке, что и отправитель. Кроме того, она была языком науки и культуры: ряд работ так называемых хорватских латинистов по теологии, праву, естественным наукам, поэтические произведения намного превосходят труды на других языках, а литература на латыни в хорватских землях в количественном измерении является одной из богатейших в Европе⁵. Латинский язык

⁴ Štefanec 2013; Adamček 1981.

⁵ О хорватской литературе раннего Нового времени, в частности XVIII в. см.: Gortan, Vratović (pred.) 1969–1970; Gortan 1978; Bogišić 1995.

занимал важное место и в образовании. Для хорватско-славонского дворянства он был «языком, который хорватам учить легче, чем живые языки, как будто этот язык их родной с раннего детства»⁶. Также дворянам латынь была нужна для несения государственной службы. Хорватско-славонское дворянство считало использование латинского языка справедливым в первую очередь из-за того, что это гарантировало равный доступ к политике для всех сословий Венгерского королевства, где полиэтничное дворянство как элита не имело общего родного языка. Наконец, использование латыни имело и большое символическое значение: с одной стороны, для дворянства оно было показателем принадлежности к европейской цивилизации и римскому культурному наследию (что в контексте положения страны на рубеже Запада и Востока особенно важно), с другой стороны, указывало на принадлежность к образованной элите и повышало их авторитет в публичной сфере.

В отличие от гражданской части страны, в документах Военной Границы латинский язык почти нигде не встречается. В качестве исключения можно выделить только территорию Банской Границы, где славонский бан и дворянство имели намного большее влияние, чем на остальной Военной Границе — их политическая и социальная активность приводила к регулярному использованию латыни в документах служебного и личного характера. На территории Военной Границы в основном был распространен *немецкий язык* как язык администрации того времени. По большей части он использовался не только в документообороте при сношении с институтами, употреблявшими латынь в качестве служебного языка, но и в личной переписке частных лиц. Однако это не означает, что немецкий язык не имел хождения в гражданской части, то есть в Хорватии и Славонии. Он закономерно присутствовал в общественной жизни этой территории с начала правления династии Габсбургов (1527), внедрялся через военное управление и хозяйственную деятельность в течение нескольких веков войн против Османской империи, а затем был принят элитой, главным образом в течение XVIII в., отмеченного укреплением мощи Габсбургов и многочисленными реформами, которые способствовали созданию протомодерных государственных

⁶ Речь графа Франьо (Ференца) Войкффи на заседании Хорватского-славонского сабора 1832 г. цит. по: Sikirić Assouline 2009: 258–259.

структур. Поэтому на протяжении XVIII в. немецкий все чаще выступал как язык, знание которого свидетельствовало не только о космополитизме высших слоев хорватского общества, но и об их политическом влиянии, за которым стоял венский двор⁷. Затем, в связи с упомянутыми интеграционными процессами в монархии, немецкий язык вошел в школы, а после и в управление — сначала косвенно (в черновики документов и межведомственную деловую переписку), а потом (с 1784/1786 по 1790 г.) он был (неуспешно) провозглашен и языком администрации.

Хотя официальные и личные документы, созданные на исследуемой территории в течение XVIII в., написаны главным образом на латинском и немецком, в повседневной жизни в основном употреблялся *хорватский язык*, являвшийся родным для большей части населения. В делопроизводстве хорватский использовался крайне редко главным образом по причине того, что имел три диалекта — штокавский, кайкавский, чакавский. Из-за отсутствия стандарта юридической (и вообще научной) терминологии, а также литературной нормы он долгое время не был достаточно развит для нужд управления⁸. Хорватский встречается только среди документов, связанных с судебными тяжбами, и, намного реже — среди сообщений от низших чиновников комитатов (жупаний), которые, можно предположить, не обладали достаточным знанием латыни, чтобы писать на ней⁹. Даже в частной корреспонденции к концу XVIII в. хорватский язык представлен меньше всего. Хотя еще в течение XVII в. и в первой половине XVIII в. хорватско-славонские дворяне, даже иностранного происхождения, личные письма часто писали по-хорватски¹⁰. Во второй половине XVIII в. эта практика в значительной мере была утрачена, поэтому хорватский язык является скорее исключением в сохранившейся корреспонденции дворянских семей, о чем подробнее сказано ниже. Знание хорватского языка только в исключительных

⁷ См.: Норгес 2018.

⁸ На территории употребления хорватского языка распространены три значительно различающихся диалекта: штокавский, кайкавский и чакавский. Карту их распространения см.: Fischer 2001: 56.

⁹ См. прошения судей дворянского происхождения. Йосипа Завршцкого и Ивана Грденича. 1779 г. // HDA-34. Kut. 6, 7/1770. Nr. 240; Kut. 6, ex gen. congr. 8. VIII. 1770.

¹⁰ Примеры: Matasović 2008: 43–45, 49, 62, 117–128; о семье Чикулини см.: HDA-706. Kut. 88–90 (korespondencija 1720–1749.); о семье Эрдеди см.: Pálffy 2001: 26.

случаях было нужно для занятия публичных должностей: например, в 1779 г. из десяти чиновников в канцелярии Хорватского королевского наместнического совета, центрального исполнительного органа власти в королевстве Хорватии и Славонии с 1767 г. по 1779 г., четверо не знали хорватский язык¹¹, и можно предположить, что даже хорватско-славонский бан граф Ференц Надашди (в должности с 1756 по 1783 г.) недостаточно знал хорватский язык, чтобы вести на нем переписку¹². Единственные служащие, от которых в Хорватии и Славонии в XVIII в. по закону требовалось знание народного языка, были медицинские работники — врачи и хирурги¹³. Этот факт с современной точки зрения представляется особенно интересным: с одной стороны, такое требование государственной власти вполне логично: медицинские работники вряд ли смогли бы успешно выполнить свою работу, если бы не знали языка тех, кого они лечили. С другой стороны, на лицо парадокс: дипломированные врачи и хирурги в хорватских землях почти всегда, в отличие от прочих служащих, были иностранцами¹⁴. Знание хорватского требовалось и на территории Военной Границы: все тамошние чиновники должны были изучать язык народа, хотя командным языком оставался немецкий¹⁵.

Наконец, не следует забывать и об остальных языках, использовавшихся в политической и частной переписке. *Венгерский язык* был одновременно родным для большинства венгерского дворянства, которое имело те же привилегии, законы, а также законодательные и управленческие институты, что и хорватское. Причем хорватские и славонские дворяне в политическом смысле считались *венграми* (*Hungari*)¹⁶, и знание венгерского было желательным для каждого, кто

¹¹ См. его прошение: MNL OL. A 39. 1779/4389.

¹² См., например, перевод письма Вучимира Тривановича из банского гусарского полка на немецкий: MNL OL. P 507. 46. cs. № 857 (varia).

¹³ См.: *Linzbauer F. X. Codex sanitario-medicinalis Hungariae*. Budae: Typis Caesareo-Regiae Scientiarum Universitatis, 1853. Sv. III/1. S. 550–551.

¹⁴ Horbec 2015: 159.

¹⁵ *Taube F. W., von. Historische und geographische Beschreibung des Königreichs Slavonien und des Herzogthumes Syrmien, sowol nach ihrer natürlichen Beschaffenheit, als auch nach ihrer itzigen Verfassung und neuen Einrichtung in kirchlichen, bürgerlichen und militärischen Dingen*. Leipzig: [s. t.], 1777. Bd. II. S. 85.

¹⁶ См. ст. 61 от 1741 г. и ст. 35 от 1764/1765 гг. в Своде законов Венгерского королевства: *Corpus juris Hungarici. Magyar Törvénytár*. URL: <https://net.jogtar.hu/ezer-ev-torveny?docid=74100061.TV&searchUrl=/ezer-ev-torvenyei%3Fkeyword%3D1741;>

собирался делать карьеру на государственной службе. Однако хотя они и подчеркивали знание венгерского языка в прошениях при поступлении на государственную службу¹⁷, в их корреспонденции крайне редко можно найти доказательства его применения в социально-политической сфере. С другой стороны, в среде образованных дворян было нередким использование в общении *французского и итальянского языков*¹⁸. На Военной Границе также приветствовалось знание «османского» языка: если верить автору путевых заметок Фридриху Вильгельму фон Таубе, и полковые писари, и фурьеры должны были уметь читать и писать по-турецки, чтобы в случае необходимости вести переписку с бегами и пашами в Сербии, Боснии и османской Хорватии¹⁹.

Изучение языков в XVIII в.

Общая грамотность изначально базировалась на латинском языке, а получить образование в основном стремилась молодежь, которая связывала будущую карьеру, а иногда и образ жизни с духовной, гражданской или военной службой. Развитие начального образования в хорватских землях происходило благодаря приходским священникам, в то время как сферу среднего и высшего образования главным образом контролировал Оден иезуитов. Программа в иезуитских школах опиралась на официальный учебный план иезуитов — «*Ratio atque institutio studiorum Societatis Jesu*»²⁰ (1599) — и делала упор на преподавание латинского языка, необходимого для публичной и научной деятельности, а также предполагала изучение философии и теологии²¹. По желанию можно было продолжить учебу в одном из университетов монархии — при этом

URL: <https://net.jogtar.hu/ezer-ev-torveny?docid=76400035.TV&searchUrl=/ezer-ev-torvenyei%3Fkeyword%3DXXXV> (дата обращения: 21.11.2019).

¹⁷ См. прошение Николя Шкрлец-Ломницкого от 1758 г.: MNL OLA 1. 1758/121.

¹⁸ MNL OL. P 507. 28. cs. № 241; 30. cs. № 245; HDA-706. Kut. 88–91; HDA-711; Kut. 96–100; ÖStA. HHStA. Ungarische Akten. Fasc. 317 (Frangepan). Konv. A–D.

¹⁹ *Taube F. W., von.* Historische und geographische Beschreibung. Bd. II. S. 85.

²⁰ Название документа не имеет общепринятого перевода на русский язык. Наиболее точным представляется вариант, предложенный Д. В. Шмоными: «Порядок и установление занятий в Обществе Иисуса», см.: *Шмоны Д. В.* «Порядок и устройство». К публикации раздела «Ratio Studiorum» (1599) // Вестник русской христианской духовной академии. 2011. Т. 12. Вып. 4. С. 309 (прим. перев.)

²¹ Подробнее о программе образования см.: Shek Brnardić 2009.

молодежь из хорватских земель ориентировалась на поступление в высшие учебные заведения Вены, Граца или Трнавы²² (позднее Буда/Пешта). В первой половине XVIII в. большая часть студентов обучалась только в течение семестра или осваивала два курса философии, поскольку этого было достаточно для получения статуса «литерата» (*literatus*, то есть «образованный»)²³. Аристократы, напротив, до основания государственных высших учебных заведений в середине XVIII в. получали домашнее образование, которое гарантировало широкий кругозор и свободное владение иностранными языками.

В ходе реформы высшего образования в монархии Габсбургов изучение современных языков приобрело важность, особенно для тех, кто выбирал административную, публичную карьеру. Хотя изменения коснулись учебных программ университетов еще в 1740–1760-х годах, когда венский двор активно насаждал широкое изучение немецкого языка среди народов монархии²⁴, говорить о языковой политике на разных ступенях можно только с 1770-х годов, когда вышли в свет два основополагающих акта, оказавшие существенное влияние на систему образования в хорватских землях под властью Габсбургов: «Общий школьный устав» (1774), действовавший в Чешско-Австрийских наследственных провинциях и на Военной Границе, и «Порядок воспитания и образования», больше известный под латинским названием как «*Ratio educationis*» (1777 г., дополнения 1806 г.), применявшийся на землях короны св. Стефана, в частности в Хорватии и Славонии²⁵. Согласно «Общему школьному уставу», на Военной Границе предполагалось учреждение «немецких» начальных школ, программа которых включала изучение и родного языка помимо немецкого, в то время как в «латинских» основной упор делался «на

²² Университет в Трнаве (по-венгерски Надьсомбат) основан в 1635 г. и долгое время был единственным университетом Венгрии. В 1777 г. он был торжественно перенесен в только что отстроенный королевский дворец в Буду, в 1784 г. вновь сменил местопребывание на Пешт.

²³ Horbec, Matasović 2019: 149.

²⁴ MNL OL. A 1. 1765/85; 1769/426. См. также: ÖStA. FHKA. Camerale Ungarn. Faszi. r. Nr. 878. Subd. 3. № 24 ex Feb. 1770. Fol. 118, № 91 ex Feb 1772. Fol. 199.

²⁵ [Matasović M.] Sustav obrazovanja i cjelokupnog školstva za Ugarsko Kraljevstvo (1777.) // Od protomodernizacije do modernizacije školstva u Hrvatskoj: Zakonodavni okvir / ur. I. Horbec, M. Matasović, V. Švoger. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2017. Str. 85–142.

изучение латыни, необходимой <...> тем, кто будет врачом, фельдшером и т. д. или тем, кто хочет зарабатывать на хлеб пером» (ст. V). «*Ratio educationis*» признавал важность латинского языка в общественной жизни: констатировался факт, что богослужение и законодательная деятельность в Венгерском королевстве осуществляются на латинском языке, как и работа органов государственного управления. Латынь в Венгрии была почти что родным языком, поэтому «широко было распространено мнение, что незнание латыни — существенное доказательство безграмотности» (§ 102). В то же время поощрялось изучение национальных языков (таковых было семь), на которых надо было преподавать различные дисциплины, в особенности естественнонаучного цикла.

Основываясь на содержании этих нормативных документов, можно сделать вывод, что в цели языковой политики не входило обязательное владение несколькими языками. Первостепенной задачей начального образования, контролируемого государством, было распространение грамотности, позволявшей использовать знание нескольких языков в повседневной жизни и трудовой активности населения. Неоспоримым было преобладание латыни в среднем и высшем образовании, но вместе с тем возрастала и польза от изучения немецкого, в первую очередь из-за доступности современной литературы и возможности свободной коммуникации с представителями других народностей империи («*Ratio educationis*», § 83, 84, 101, 102). Уделялось внимание и другим национальным языкам, поскольку, согласно «*Ratio educationis*», молодежь получала образование «не для того, чтобы прослыть образованным, но из-за обязанности перед королем и государством, и, что самое важное, ради общественной жизни, в условиях, когда все чаще употребляются родные языки, а не латынь». Изучение современных иностранных языков не навязывалось, наоборот, для введения в школах итальянского или французского языка было недостаточно средств (§ 184). Впрочем, побуждения к изучению иностранных языков чаще были безуспешными — примеры тому есть в записках Имбре Игнатиевича Ткалаца (1824–1912), который в 1830-е годы учился в школе на Военной Границе, где действовало предписание помимо родного языка учить и немецкий. В воспоминаниях о детстве он запечатлел скверное знание немецкого языка среди граничар, упомянув историю из школьных будней одного из местных жителей:

Мы годами зубрили, но ни одного приличного предложения сами так и не составили, — на что тогдашний учитель отвечал нам: “Император приказал, надо исполнять”.

К концу XVIII в. знание немецкого языка стало особенно важно для тех, кто строил карьеру в государственных структурах, даже в тех областях, где официальным языком была латынь. Из-за увеличения документооборота между венским двором и Венгерским королевством использование латыни стали считать непрактичным, в этой связи хорватско-славонское дворянство все чаще сталкивалось с необходимостью знать немецкий. Так, например, для вовлечения хорватско-славонских сословий в экономические проекты венского двора Мария Терезия (1740–1780) в 1764 г. распорядилась распространить среди чиновников «полезные книги» о земледелии и скотоводстве на немецком языке²⁶. А в 1766 г. она же основала в Хорватии и Славонии фонд для поощрения учеников, которые делали успехи в изучении немецкого языка²⁷. Той же линии придерживались при дворе, учреждая в 1769 г. Политико-экономического коллегіума в Вараждине, основной целью которого была подготовка дворянства к государственной службе в духе просвещенного абсолютизма. Предполагалось, что языком преподавания станет немецкий, на котором написан учебник Йозефа фон Зонненфельса (1732–1817)²⁸. Но с учетом того, что курс был разработан для местного дворянства и горожан, образование которых базировалось на знании латыни, желающих пройти обучение практически не было вплоть до момента, когда власти установили языком преподавания латинский²⁹. Адальберт Адам Барич (1742–1813), преподаватель коллегіума, был вынужден сделать перевод учебника на этот мертвый язык³⁰.

²⁶ ÖStA. FhKA. Kommerz Litorale, Fasz. r. Nr. 720. Fol. 1346–1348; Allerhöchste Resolution, Sept. 1764.

²⁷ Фонд просуществовал до 1788 г., когда его средства были направлены на поддержку беспризорных и больных учеников. См.: Cuvaj 1909: 399.

²⁸ *Sonnenfels J., von.* Grundsätze der Polizey-, Handlung- und Finanzwissenschaft. Wien: bei Josef Kurzböck, 1765–1767. Автор учебника Й. фон Зонненфельс (1732–1817) был ведущим теоретиком политической экономии в Габсбургской монархии в XVIII в., с 1763 г. преподавал камеральные науки на философском факультете Венского университета. Его ученик А. Барич стал профессором в Вараждине.

²⁹ HDA-12. A77/1769.

³⁰ Примечательно, что первые студенты коллегіума при поступлении указали, что знают немецкий — но, вероятно, их знаний было недостаточно для полноценной

Изменение отношения к изучению языков

Упомянутые выше «Общий школьный устав» и «*Ratio educationis*», как и поощрение властями использования немецкого и национальных языков, показывают, что языковая политика в монархии Габсбургов в XVIII в. отражала общую для просвещенной Европы тенденцию, которая заключалась в попытках согласовать традиционное гуманистическое образование с пользой владения современными языками. В таком ракурсе грамотность приобретала в глазах подданных важное значение и подтверждалась зачастую именно знанием языков. Это, конечно, касалось в первую очередь хорватского дворянства, в особенности магнатских кругов, чья политическая и экономическая мощь были главным образом связаны с венским двором. Отголосок этих перемен можно наблюдать в стиле прошений о поступлении на статскую службу, утвердившемся в 1770-е годы. Например, если раньше подобные документы не содержали сведений о владении иностранными языками, поскольку сами заявители не считали эти знания важными, то отныне хорватско-славонские дворяне помимо имевшегося опыта работы в качестве преимущества указывали знание иностранных языков³¹.

Влияние языковой политики в области образования и других «языковых тенденций» в монархии Габсбургов на элиту королевства Хорватии и Славонии в XVIII в. демонстрируют дошедшая до наших дней переписка и иные источники личного происхождения. Важнейшими для моего исследования являются корреспонденция хорватских банов, которые по долгу службы контактировали с широким кругом лиц, а также письма и документация дворянских семейств, например, Сермаж или Драшкович³². На основании этих источников

учебы. HDA-12. F46/1770). Подготовленный Баричем перевод учебника никогда не был опубликован по причине несоответствия перевода терминологии. HDA-12. Serija 12.1. Sv. II. Fol. 421–423.

³¹ Примером является прошение Игнатия Магдаленича 1768 г. о поступлении на службу в должности советника Хорватского королевского веча: в качестве конкурентных преимуществ он указал, что помимо хорватского и латинского, владеет немецким, итальянским и французским языками, а так же посетил все места, важные с точки зрения развития торговли по Адриатическому морю. См.: MNL OL. A 1. 1768/27.

³² Корреспонденция хорватских банов частично хранится в Венгерском национальном архиве. См.: MNL OL. P 201; P 507; P 1316; P 1675. Корреспонденция семей Сермаж и Драшкович хранится в Хорватском национальном архиве. См.: HDA 706; HDA 711.

можно констатировать факт, что бан Йозеф Эстерхази (1733–1741) вел переписку с хорватско-славонскими дворянами и аристократами на латыни, исключая нескольких магнатов венгерского происхождения, с которыми он общался на венгерском. Однако во второй половине XVIII в. начали все больше использовать современные языки для переписки, особенно среди благородных сословий. Так граф Петар Троило Сермаж, участник Семилетней войны (1756–1763), писал по-немецки с фронта³³, граф Адам Оршич в начале XIX в. оставил мемуары на немецком³⁴. В этой связи необходимо особо отметить корреспонденцию бана Ференца Надашди, который переписывался с аристократами по-немецки, а с представителями хорватского среднего и мелкого дворянства (Бедековичами, Краячичами, Раухами, Шпишичами, Шкерлецами и др.) — на латыни.

В эпистолярном наследии бана графа Ференца Балашша (1785–1790) прослеживается схожая тенденция, но в то же время есть в нем одна особенность, которая едва просматривается в бумагах его предшественника Надашди: все больше хорватских дворянских семей, в особенности скромного происхождения, к концу XVIII в. выбирали немецкий язык для писем, структура и содержание которых типичны для патрон-клиентских отношений — открытки, извещения, просьбы об оказании поддержки и т. д.³⁵ Подобная практика свидетельствует, что дворяне, рассчитывая на карьеру в местной сословной администрации, выбирали для коммуникации немецкий язык, пытаясь не только подражать аристократии, но и конкурировать с ней за высокие должности. Еще одним примером тому является история Игнатия Магдаленича, который до 1760-х годов все письма писал исключительно на латинском языке, а после обучения в Вене и получения баронского титула в 1762 г. все чаще использовал немецкий³⁶. Кроме немецкого языком общения был и французский: например, молодая аристократка графиня Барбара Драшкович, обучаясь в Пресбурге

³³ Die Briefe des Grafen Sermage aus dem siebenjährigen Kriege / ur. J. Matasović. Zagreb: Narodna Starina, 1923. 368 s.

³⁴ Memoiren des Grafen Adam Orsich de Szlavetich Ivan // Arhiv za povjestnicu jugoslavensku / ur. I. Kukuljević Sakcinski. Zagreb, 1869. Knj. X. S. 245–318.

³⁵ См., например, корреспонденцию семьи Бужан: MNL OL. P 1765. 22. tétel. № 1824–1828; письма Гаспара Свагела см.: Ibid. № 8361–8374; письма Александра Сечена см.: Ibid. № 2072–2974.

³⁶ Его переписку с баном Ф. Надашди см.: MNL OL. P 507. 35. cs. № 465.

(совр. Братислава), в 1768 г. писала родителям по-французски (так она практиковалась в изучаемом языке)³⁷, так как представители фамилий Чикулини, Сермаж или Драшкович регулярно использовали французский для общения с лицами иностранного происхождения³⁸.

Языковые предпочтения, диктуемые хорватскому обществу элитой, в скором времени распространились и среди горожан: в городах употребление иностранных языков стало признаком хорошего тона, на что частично повлиял наплыв ремесленников и солдат иностранного происхождения. «В Осиеке и Петроварадине вы не услышите никакого другого языка кроме немецкого», — записал Фридрих Вильгельм фон Таубе в 1770-е годы³⁹. По путевым заметкам графа Домокоща Телеки можно судить о том, что в остальных городах Славонии был также распространен немецкий, а в Загребе еще и латынь⁴⁰. В то же время Фиуме, входивший в состав Венгерского королевства, испытывал сильное итальянское культурное влияние, поэтому среди горожан шире был распространен итальянский. Телеки отмечал:

Особенно отчетливо это видно в кафанах⁴¹, там не слышно другой речи, кроме итальянской, местные предпочитают читать итальянские газеты. Если кто-то спросит на другом языке, вряд ли его поймут⁴².

В связи с государственной языковой политикой и все возрастающей значимостью многоязычия в публичной сфере, к концу XVIII в. оно все чаще наблюдалось и среди неимущих слоев населения, которые по мере своих возможностей тратили деньги на образование, считая его выгодным вложением средств. Прекрасным примером того являются сведения, датированные 1779 г., о знании языков канцелярскими служащими Хорватского королевского наместнического

³⁷ Ibid. 28. cs. № 241. Fol. 571.

³⁸ См.: HDA-706. Kut. 88; HDA-711. Kut. 96.

³⁹ *Taube F. W., von. Historische und geographische Beschreibung. Bd. I. S. 63.*

⁴⁰ *Teleki von Szék D. Reisen durch Ungarn und einige angränzende Länder. Pesth: Hartleben, 1805. S. 178, 222.*

⁴¹ *Кафана* — разновидность таверны (*прим. перев.*).

⁴² Ibid., S. 245–248. Схожие сведения приводит Альберто Фортис. См.: *Fortis A. Travels into Dalmatia, containing observation on the natural history of that country and the neighbouring islands; the natural productions, arts, manners and customs of the inhabitants, in a series of letters. London: Printed for J. Robson, Bookseller, New Bond Street, 1778. P. 510.*

совета. В основном это мелкие дворяне или горожане, имевшие какое-то образование, которые помимо служебного латинского языка неплохо знали и немецкий. По крайней мере, из десяти служащих только один указал, что его немецкий — «чуть-чуть» (*«tak-tak nemski»*)⁴³. Есть тому и другие примеры. Сын офицера-граничара просветитель Матия Антун Релькович знал латинский, немецкий, французский и венгерский языки; лексикограф Йосип Вольтич (Вольтиджи), человек незнатного происхождения, владел латинским, немецким и итальянским; библиотека одного торговца из Осиека в 1765 г. составляла сотню наименований на итальянском, латинском и немецком языках⁴⁴.

Латинский по-прежнему оставался языком публичной сферы или публичных отношений. Как уже упоминалось, на нем в основном велась переписка хорватско-славонских банов, особенно со средним дворянством. Дворяне, хотя и неплохо владели иностранными языками, предпочитали латынь. Символически знание латыни выделяло их среди других слоев населения, не обладавших правом на участие в политической жизни, и укрепляло их позиции внутри сословной системы Венгерского королевства. В качестве примера можно привести Николу (Миклоша) Шкрлец-Ломницкого (1729–1799), одного из выдающихся государственных деятелей в Хорватии в эпоху просвещенного абсолютизма и видного критика авторитарного правления Иосифа II (1780–1790 гг.). Шкрлец, хотя и владел немецким, итальянским, венгерским и французским языками, рабочую документацию и частную переписку вел исключительно на латыни — так он демонстрировал свою принадлежность к венгерскому дворянству и верность законам королевства⁴⁵. Многие хорватско-славонские дворяне, особенно те, кто поступил на государственную службу в 1770-е годы, во второй половине XVIII в. предпочитали писать исключительно на латинском языке, даже если раньше вели деловую и личную переписку по-хорватски⁴⁶. Аристократы сохранили латынь в обиходе для писем на определенную тематику: например, Драшковици писали бану Надашди по-немецки о войне, а о политике

⁴³ MNL OL. A 39. 1779/4389.

⁴⁴ Biočić 2018: 542. Vitek 2018.

⁴⁵ Nikola Škrlec Lomnički, 1729–1799 / ur. E. Pusić et al. Zagreb: Pravni fakultet; Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti, 1999–2007. Sv. I–IV.

⁴⁶ См.: HDA-706. Kut. 88–91, HDA-711. Kut. 96–100.

на латыни⁴⁷, однако это было обусловлено не тем, что немецкий был служебным языком в армии монархии Габсбургов, а латынь в сфере государственного управления в Хорватии, но доступностью употребляемой терминологии. В этом смысле примечателен пример графа Адама Баттjани, который в 1756 г. поздравил бана Надашди с назначением на латыни — языке государственной администрации, и в то же время просил по-немецки дать рекомендации своим протeже, в менее официальной манере, которая подчеркивала их общение на равных⁴⁸.

На основании источников можно сделать вывод, что во второй половине XVIII в. по сравнению с первой хорватский употреблялся меньше, хотя и не исчез из письменного общения⁴⁹. Иногда его использование выглядело «экзотически»: писавший жене с Семилетней войны по-немецки граф П. Т. Сермаж прибежал к кайкавскому диалекту хорватского, когда хотел скрыть содержание от любопытных глаз⁵⁰. В то же время некоторые дворяне, состоявшие на службе в местных структурах, вероятно, не были достаточно грамотны, поэтому, чтобы быть понятыми, вели переписку на хорватском. С учетом того, что многие, несмотря на происхождение, не имели соответствующего их сословию образования, остается открытым вопрос, на каком уровне они владели латинским, достаточно ли его было для свободного использования в служебных целях, соответствовали ли их знаниям основным требованиям. Большинство заканчивали несколько классов гимназии без курса философии. В ведомости о положении дел в королевстве Хорватии и Славонии за 1769 г. Венгерская канцелярия подвергла критике такую практику: «В целом общая грамотность государственных служащих сводится к умению читать и писать»⁵¹. На это хорватский историк каноник Балтазар Адам Крчелич (1715–1778) отреагировал:

Знаний грамматики было достаточно для того, чтобы говорить, препираться и кричать о предметах, в которых мы не разбирались⁵².

⁴⁷ MNL OL. P 507. 29. cs. № 243, 244.

⁴⁸ Ibid. 25. cs. № 148.

⁴⁹ См. личную переписку: HDA-711. Kut. 100.

⁵⁰ Štefanec 2018: 43.

⁵¹ MNL OL. A 1. 1769/610. Fol. 20.

⁵² Krčelić B. De regnis Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae notitiae praeliminares. Zagreb: Typis Antonii Jandeka, 1770. S. 440.

В Славонии, где после османского владычества в течение XVIII в. заново сформировались политические и общественные связи, допускалось использование так называемого иллирского языка (хорватского штокавского), однако документооборот велся исключительно на латыни⁵³. Так и среди чиновников дворянского происхождения можно обнаружить тех, кто знал лишь несколько фраз на латыни: например, некоторые отчеты комитатских чиновников имеют соответствующую «латинскую» форму, на латыни написаны общие положения, а суть донесена по-хорватски⁵⁴.

Примечателен вывод, который можно сделать на основании источников: женщины из дворянских семейств в переписке с официальными лицами чаще использовали хорватский язык. Образование женщин повсеместно носило поверхностный характер. «Женщины знают мало, только то, что выучили из молитвенных книг»⁵⁵, — отметил граф Адам Оршич. Тем не менее грамотные женщины происходили из семейств (Кеглевичи, Патачичи, Раухи, Шкрлецы и др.), уделявших немалое внимание образованию, многочисленные их письма сохранились в эпистолярном наследии Б. Крчелича⁵⁶. Они прибегали к хорватскому, даже если родным для них языком был немецкий. Пример тому — графиня Мария Катарина Драшкович (урожденная Брандис). Не владея хорватским языком в достаточной мере, она поручила перевести свое письмо Крчеличу на хорватский:

Я бы написала это письмо сама, но плохо знаю хорватский. Однажды я попробую показать, как пишу по-хорватски. Во всяком случае, сын не должен смеяться над матерью⁵⁷.

Можно предположить, что за изучением хорватского языка стояло желание продемонстрировать социальную роль женщины-аристо-

⁵³ *Kempf J. Požeга. Zemljopisne bilješke iz okoline i prilozii za povijest slob. i kr. grada Požege i Požeške županije. Požeга: Štamparija «Hrvatske tiskare i knjižare», 1910. S. 207.*

⁵⁴ Например, отчеты судей Йосипа Завршского и Ивана Грденича за 1770 г. см.: HDA-34. Kut. 6, 7/1770. Nr. 240; Kut. 6., ex gen. congr. 8. 8. 1770. Для сравнения: венгерский историк Иштван Дёрдь Тот утверждал, что в середине XVIII в. и позднее половина дворян Верхней Венгрии была безграмотна, см.: Tóth 2000: 118–123.

⁵⁵ *Memoiren des Grafen Adam Orssich de Szlavetich. S. 276.*

⁵⁶ *Matasović 2008: 123–125.*

⁵⁷ *Matasović. Die Briefe. S. 164–165.*

кратки. Так, например, упомянутый Н. Шкрлец-Ломницкий в одном из латинских трактатов писал:

Нет ни одного человека, которому не было бы ясно, что супруга должна изучить язык отечества, чем раньше — тем лучше, так она быстрее привыкнет ко всем национальным обычаям⁵⁸.

В конце концов, нужно отметить, что хорватский язык во второй половине XVIII в. в связи с упоминавшимися распоряжениями венского двора и вопреки уменьшению его популярности среди высших слоев общества, играл важную роль в образовании хорватов и распространении идей Просвещения. Грамотность низших слоев в XVIII в., которая базировалась на прикладной литературе на национальных языках, была важнейшей государственной задачей и накладывала определенные обязательства на казенные структуры в экономической, социальной и культурной сферах. Поэтому в этот период власти особенно поддерживали издание на национальных языках просветительской литературы по земледелию, скотоводству, торговле и т. п. Тогда в Хорватии стали печататься труды образовательного характера граничара Матии Антуна Рельковича или священников Вида Дошена и Юрия Мулиха, работы экономиста Йосипа Шипуша или научно-популярный медицинский трактат Жана-Батиста Лаланга, врача из Вараждинского комитата. Действуя в сфере народного просвещения можно было получить статус в обществе, хотя основной целью грамотных людей, которые проявляли себя в многоязычной среде, и чья образованность выражалась в использовании иностранных языков в сочинениях или переписке, во второй половине XVIII в. в духе эпохи Просвещения было сохранение национальных языков и наречий⁵⁹.

⁵⁸ Nikola Škrlec Lomnički. Zagreb, 1999. Sv. 1. S. 29.

⁵⁹ Например, графиня Катарина Патачич переводила с итальянского на хорватский поэзию. См.: *Pesme horvatske Katarine Patačić (1781) / [za tisak priredio i pogovor napisao A. Jembrih]*. Donja Stubica: Kajkaviana; Zagreb: Nacionalna i sveučilišna biblioteka, 1991. 78, 34 s. Венгерская аристократка графиня Иозефа (Йосипа) Оршич опубликовала на хорватском книгу по ветеринарии. См.: *Oršić J. Betegujuche sivine vrachitel to jeszt szprot vszakojachkomu sivinszkomu betegu hasznovita, vnego puti probuvana ter isztinszka znaidena vrachtva / iz vszakojachkeh knjig zvelikum marlivosztium zebrana, na horvaczki jezik obernyena ter od jednoga obchinszke vszega orszaga, navlasztito pako szziromahov haszni Lyubitela na szvetlo dana*. Zagreb: Stampana po Antonu Jandera, 1772. 116 s.; *Vrachitel betegujuche sivine tho jeszt Vrachtva za rogatu marhu, kermke y mladinu*. Zagreb: Stampana vo Novoszclzkoj stampari, 1799. 130 s.

Язык в политическом измерении

В речи И. Кукулевича-Сакцинского, впервые произнесенной на хорватском языке на заседании сабора в 1843 г., говорилось:

Мы все еще храним наш язык для общества и наших кметов. Давным-давно, в те варварские времена, мы внедрили латынь в нашу общественную жизнь и деятельность, когда весь мир считал ее языком образованных и искушенных. Со временем немецкий язык проник в нашу общественную жизнь и в наши семьи, изменив нашу врожденную природу и образ мыслей наших отцов. <...> Мы частично латиняне, отчасти немцы, отчасти итальянцы, отчасти венгры и отчасти славяне, в то время как в целом, честно говоря, мы почти ничего! Мертвый язык Рима и живые венгерский, немецкий и итальянский — вот наши наставники. Живые нам угрожают, мертвый сжимает за горло, душит и толкает нас, беспомощных, в объятия живых⁶⁰.

Эти слова демонстрируют, как тенденции в развитии языка во второй половине XVIII в. в монархии Габсбургов влияли на политическую мысль в хорватских землях. С другой стороны, именно в 1843 г. большинство народов империи перешли на национальные языки в публичной сфере, поэтому обращение к теме хорватского языка в качестве официального не было тогда случайным.

Начало применения национальных языков в политике и в Хорватии и Славонии, и в Венгерском королевстве в целом приходится на конец XVIII в. В правление Иосифа II языковая политика венского двора обрела четкие формы. В 1784 г. государь утвердил немецкий в качестве официального в Венгрии, назвав латынь «мертвым языком». Это решение, как и большинство распоряжений Иосифа II, было отменено под давлением общественности еще до кончины императора в январе 1790 г.⁶¹ С точки зрения двора, внедрение немецкого языка в государственные структуры способствовало стабильной интеграции частей монархии и рационализации управления. В резолюции 1784 г. Иосиф II особо подчеркнул этот момент, указав, что введение немецкого языка — это преимущество, которым могут воспользоваться венгерские и хорватско-славонские дворяне,

⁶⁰ Šidak 1952: 188.

⁶¹ Soós 2005.

чтобы иметь возможность продвигаться по службе в любом уголке монархии⁶².

Вероятно, Иосиф II не подозревал, что в связи с новым статусом немецкого языка, его употребление получит политическое измерение. Венгерские и хорватско-славонские комитаты резко отреагировали на это распоряжение, в протестных заявлениях ссылаясь на давнюю традицию использования венгерским дворянством латыни для служебных целей, называя ее «языком отечества» («*patria lingua*»), в отличие от «родного языка» («*materna lingua*») или «универсальным языком» («*lingua universalis*»), «языком национальностей» («*lingua nationalis*»), «языком дружбы» («*lingua familiaris*»), «языком голосования» («*lingua adoptata*»), провозглашая латинский одновременно языком права, науки, философии и культуры. В качестве важнейшего контраргумента введению немецкого они приводили факт, вероятно, очень точный с точки зрения истории, что сосуществование многочисленных народов в империи обеспечивалось многоязычием, а не языковой унификацией, поскольку это соседство основано на уважении различных правовых норм, обычаев и культур⁶³. Схожие доводы приводило и дворянство в Загребском комитате, отмечая что «язык монархии» («*lingua monarchica*») незнаком большей части населения, включая чиновников, поэтому во имя прогресса нельзя упразднить латынь — язык культуры и образования⁶⁴.

Когда в 1790 г. решение Иосифа II было отменено, в Загребе, где согласно источникам, немецкий широко использовался, вышел из печати памфлет, название которого отражало общественное мнение о внедрении немецкого в управление: «Письмо, в котором сенат и народ Лация поздравляет себя с тем, что героические королевства Венгрия и Хорватия опять говорят на своем языке и радуются, что объявленная мертвой латынь ожила и вернулась из изгнания»⁶⁵. В том же году представители хорватско-славонских сословий предложили на заседании Государственного собрания Венгерского

⁶² Soós 2005: 266.

⁶³ Šubarić 2015.

⁶⁴ Šubarić 2015: 194.

⁶⁵ [Wentle A.] Epistola, qua S.P. Q. Latii sibi gratulatur inclyta heroum regna Hungariae et Croatiae suo rursus ore loqui eis vero congaudet linguam Latinam revertisse ab exilio et pro mortua declaratam rediisse in vitam. Zagabria, 1790 // Nacionalna i sveučilišna knjižnica u Zagrebu. RIIF-20-31.

королевства запретить использование немецкого языка в политической и хозяйственной деятельности, а также в судопроизводстве на территории королевства, для Хорватии они требовали упразднения немецкого в пользу хорватского в армии, с сохранением латыни как официального языка администрации⁶⁶. Примечательно, что инициатором этого предложения был не кто иной, как Н. Шкрлец-Ломницкий.

Сопротивление хорватско-славонского дворянства внедрению немецкого языка быстро, уже в 1790 г., сменилось борьбой против мадьяризации государственного управления и образования. В отличие от хорватско-славонских дворян, венгры на политику Иосифа II ответили утверждением в качестве языка администрации венгерского. Это в свою очередь вызывало бурную реакцию среди хорватов, воспринимавших латинский как язык протеста. При этом они считали немецкий символом абсолютистских устремлений Вены⁶⁷, а венгерский символом притязаний венгерской аристократии. В этом контексте знаковыми выглядят слова хорватского поэта Титуша Брезовацкого, который своими гимнами («буницами») воодушевлял хорватско-славонское дворянство на борьбу за латинский язык: «Тевтон был так страшен, что заставил вас использовать чужеземные слова. Страшнее ли гунн?»⁶⁸. Хорватско-славонские депутаты венгерского Государственного собрания на сессии 1790–1791 гг. выступили за сохранение латыни в сфере управления:

Законным можно назвать только то, что сохранялось в неизменном виде на протяжении истории королевства, уже восемь веков, не время от времени, а постоянно.

⁶⁶ Zaključci Hrvatskog sabora. Zagreb. 1974. Sv. IX. Str. 68.

⁶⁷ Barić 2015.

⁶⁸ «Theuto fuit durus, quod vos peregrina jubebat / Verba loqui: Quanto durior Hunnus erit?» / Novi rukopis prigodnice Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae trium sororum recursus iz Hrvatskog državnog arhiva u Zagrebu // Nikola Škrlec Lomnički. Zagreb. 2001. Sv. III. S. 134. В то же время на требования венгерских сословий о введении венгерского как официального языка, ответом стало право употребления латыни, что было зафиксировано в 1830 г. как одно из основополагающих («муниципальных») прав Королевства Хорватии и Славонии. См.: Kušević J. «De municipalibus juris et statutis Regnorum Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae» (цит. по: Dokumenti za naše podrijetlo Hrvatskoga preporoda (1790–1832) / ur. F. Fancev. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1933. S. 236–253 (Građa za povijest književnosti Hrvatske, Sv. XII)).

Далее утверждалось, что в Хорватии не знают венгерского языка и даже привилегированным слоям его будет сложно навязать, в отличие от французского или итальянского, которые «знает большая часть дворянства и духовенства», поскольку считают их «языками образованности»⁶⁹. Любопытна ситуация, в которой оказался граф Янко (Янош) Драшкович (1770–1856): представители этого аристократического рода выделялись прекрасным знанием латыни, владением иностранными языками, но и они предпочитали немецкий в общественной и политической сфере. Небольшое политическое сочинение 1832 г. «Диссертация, или беседа» Драшкович написал по-хорватски, что стало своеобразным утверждением хорватского как языка политики и государственного управления⁷⁰.

Требование учить иностранные языки сохраняло устойчивые негативные коннотации и в XIX в. В этой связи неудивительно, что венский студент и политик из Хорватии Андрия Торкват Брлич (1826–1868) в брошюре 1848–1849 гг. рекомендовал читателям, особенно молодежи, сосредоточиться на латыни и родном языке, а не учить немецкий, который не прибавит грамотности:

Если кому-то не посчастливилось выучить немецкий, пусть позаботится о том, чтобы никогда больше не говорить на этом языке, и попытается доказать людям его бесполезность.⁷¹

В течение XIX в. схожее отношение было и к венгерскому языку. В качестве примера можно привести заметку из газеты «*Novi pozor*» («Новое обозрение»), издававшейся в Загребе, после предложения ввести в программу гимназий вместо греческого венгерский:

Стоит задуматься, как расхохоталась бы вся Европа над народом, который вместо греческого принял бы венгерский. На такую погибель

⁶⁹ Памфлет «*Declaratio ex parte nunciorum Regni Croatiae quoad introducendam Hungaricam linguam*» цит. по: *Šidak J.* Izjava nuncija Kralj. Hrvatske o uvođenju mađarskog jezika g. 1790 // *Historijska čitanka za hrvatsku povijest*, Zagreb. 1952. Sv. I. S. 171; 173–174.

⁷⁰ [*Drašковић J.*] Disertacija iliti razgovor, darovan gospodi poklisarom zakonskim i budućem zakonotvorcem kraljevinahnaših, za budući Dietu ungarsku odaslanem, držan po jednom starom domorodcu Kraljevinah ovih. Karlovac. 1832; оныбл. в: *Dokumenti za naše podrijetlo*. S. 297–314.

⁷¹ *Kazimir B. [Brlič A. T.]*. Nijemština i Slavjanstvo // *Građa za povijest književnosti Hrvatske* / ur. A. Barac. Zagreb, 1948. Sv. 16. S. 243.

согласятся несколько адвокатов, может быть заштатные градоначальники, но только не сабор. Пусть венгры проживут хоть вечность, для Европы их язык всегда будет мертвым, в отличие от греческого. Можно быть большим другом венгерского языка, но совершать глупости всегда неприлично. Хотя если венгры вместо греческого введут в своих учебных заведениях наш язык, с ними можно было бы договориться⁷².

Заключение

Тенденции в образовании и изучении языков в XVIII в. как в Европе в целом, так и в Австрийской монархии значительно влияли на использование языков в хорватских землях. Несмотря на то, что латынь была образовательной базой и языком администрации в Хорватии и Славонии, в силу изменений социально-политической обстановки ее употребление в элитарной среде, в особенности к концу столетия, уже считалось анахронизмом. Такая оценка исходила в первую очередь из Вены — лингвист Йосип Вольтич, критикуя новый метод преподавания естественнонаучных дисциплин, отметил, что в Вене латинский язык воспринимается «как осмеянный мальчишками унылый старикан»⁷³. Отголоски подобного отношения наиболее заметно проявлялись среди хорватско-славонских магнатов, которые политически и социально были ближе ко двору, нежели к среднему, консервативному дворянству, а потому более подвержены влиянию новых тенденций в образовании. Так, граф Адам Оршич в мемуарах написал, что «только цивилизованные хорваты говорят по-немецки» и скептически отозвался о засилии латинского и хорватского языков на местном уровне⁷⁴.

Знание современных языков, безусловно, было присуще хорватской элите, но в течение XVIII в. оно стало показателем профессиональных качеств и вообще грамотности человека и залогом успешной карьеры на государственной службе. Именно поэтому многие источники — переписка, литературные произведения, политические трактаты, документооборот и др. — представлены на современных

⁷² U Osieku, 14. siečnja // Novi pozor. (Zagreb), 1869. 17 I. № 402. S. 3.

⁷³ Voltić J. Bečka pisma: Ričoslovník / prir. Josip Bratulić. Pula; Rijeka: Otokar Keršovani, 1981. S. 77.

⁷⁴ Memoiren des Grafen Adam Orsich de Szlavetich. S. 276.

иностранных языках, в первую очередь, немецком, реже французском. По этой причине элита в хорватских землях, в особенности дворянство, во второй половине XVIII в. подчеркивала важность знания современных языков и прежде всего немецкого. Образованные слои населения, будучи многоязычными, демонстрировали таким образом не столько качество своего образования, сколько амбиции в большой политике и в конечном счете принадлежность к европейской культуре. Заданные в XVIII в. стандарты определяли образовательные стратегии и в последующем столетии: высшие слои общества сохраняли многоязычность даже тогда, когда экономическое и политическое положение хорватско-славонского дворянства значительно ухудшились.

Однако из-за введения немецкого языка сначала в учебные планы, а затем в административную сферу в старой хорватской историографии правление Марии Терезии и Иосифа II тесно связывалось с германизацией⁷⁵. Несмотря на то, что хорватско-славонское дворянство сопротивлялось внедрению немецкого, а с 1790 г. и венгерского, предпочитая употребление латыни, события 1790 г. в историографии оцениваются как начало эпохи утверждения национального языка. Тем не менее окончательное его принятие напрямую связано с кризисом сословной системы. Больше, чем активность элит, стандартизации хорватского языка, как предпосылке его использования в публичной сфере, способствовал климат в усваивавшем идеи Просвещения обществе, во многом стимулируемый установлениями венского двора («Общий школьный устав», «*Ratio educationis*»). Именно благодаря им к концу XVIII в. наступил расцвет дидактических сочинений, языкознания (появление многоязычных словарей, изучение грамматики), естественнонаучных и медицинских трактатов, а также художественной литературы на хорватском языке.

Перевод с хорватского Л. К. Новосельцевой

⁷⁵ Франьо Фанцев называл Иосифа II. «императором-германизатором». См.: Dokumenti za naše podrijetlo. S. XXIV. В Хорватском биографическом словаре, в статье «Габсбурги» правление Иосифа II названо периодом «прямой германизации» общественной жизни. См. URL: <http://hbl.lzmk.hr/clanak.aspx?id=42> (дата обращения: 14.10.2019).

Список архивных фондов

- HDA-12 – Hrvatsko kraljevsko vijeće
 HDA-34 – Zagrebačka županija
 HDA-706 – ob. Čikulini-Sermage
 HDA-711 – ob. Drašković
 MNL OL. A 1 – Magyar Királyi Levéltár. Magyar Királyi Kancellária regisztratúrája. Originales referadae
 MNL OL. A 39 – Magyar Királyi Levéltár. Magyar Királyi Kancellária regisztratúrája. Acta generalia
 MNL OL. P 201 – Családok, személyek, testületek és egyesületek iratai. Családi fondok, levéltárak. Esterházy család. József Esterházy
 MNL OL. P 507 – Családok, személyek, testületek és egyesületek iratai. Családi fondok, levéltárak. Nádasdy család
 MNL OL. P 1316 – Családok, személyek, testületek és egyesületek iratai. Családi fondok, levéltárak. Batthyány család. III. Batthyány Adám
 MNL OL. P 1675 – Családok, személyek, testületek és egyesületek iratai. Családi fondok, levéltárak. Balassa család. Balassa Ferenc

Список сокращений

- FHKA – Finanz- und Hofkammerarchiv
 HDA – Hrvatski državni arhiv
 HHStA – Haus-, Hof- und Staatsarchiv
 MNL OL – Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest
 ÖStA – Österreichisches Staatsarchiv, Wien

Литература

- Adamček 1981 – *Adamček J.* Ekonomsko-društveni razvoj u Hrvatskoj i Slavoniji u 18. st. // Društveni razvoj u Hrvatskoj (od 16. stoljeća do početka 20. stoljeća) / ur. M. Gross. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, 1981. S. 59–82.
 Barić 2015 – *Barić D.* Proziran i prezren. Njemački jezik u hrvatskom društvu u prvoj polovini 19. stoljeća. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, 2015. 383 s.
 Biočić 2018 – *Biočić A.* Prosvjetitelj Slavonaca Matija Antun Relković (1732.–1798.) // Ljudi 18. stoljeća na hrvatskom prostoru. Od plemića i crkvenih dostojanstvenika do težaka i ribara / ur. L. Čoralić, I. Horbec, M. Katušić et al. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2018. S. 541–546.
 Bogišić 1995 – *Bogišić R.* Hrvatski latinisti u XVIII stoljeću // Forum. 1995. God. 34. № 5–6. S. 479–498.
 Cuvaj 1907 – *Cuvaj A.* Građa za povijest školstva Kraljevina Hrvatske i Slavonije od najstarijih vremena do danas. Zagreb: Trošak i naklada Kr. hrv.-slav.-dalm. zem. vlade, Odjela za bogošt. i nastavu, 1907. Knj. I. XXIV. 616 s.

- Evans 2004 — *Evans R.J. W.* Language and state building: The case of the Habsburg Monarchy // *Austrian History Yearbook*. 2004. Vol. 35. P. 1–14.
- Fischer 2001 — *Fischer W.* Sprache und soziale Identität im frühneuzeitlichen Binnenkroatien // *Frühneuzeit-Info*. 2001. № 12. S. 53–68.
- Glück, Häberlein, Flurschütz da Cruz (Hrsg.) 2019 — *Adel und Mehrsprachigkeit in der Frühen Neuzeit. Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen* / hrsg. von H. Glück, M. Häberlein, A. Flurschütz da Cruz. Wiesbaden: Harrassowitz, 2019. 260 S.
- Gortan 1995 — *Gortan V.* Hrvatski latinisti u 18. stoljeću // *Mogućnosti*. 1978. God 25. Str. 121–127.
- Gortan, Vratović (prired.) 1969–1970 — *Hrvatski latinisti / Croatici auctores qui latine scripserunt* / prired. V. Gortan, V. Vratović. Zagreb: Matica Hrvatska; Zora, 1969–1970. Sv. I–II. 1024+741 s.
- Horbec 2015 — *Horbec I.* Zdravlje naroda — bogatstvo države. Prosvijećeni apsolutizam i počeci sustava javnoga zdravstva u Hrvatskoj. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2015. 377 s.
- Horbec 2018 — *Horbec I.* Lingua monarchica an der Peripherie. Die Rolle der deutschen Sprache im politischen und sozialen Leben Kroatiens im 18. Jahrhundert // *Jahrbuch des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa*. 2018. Jg. 26. S. 35–50.
- Horbec, Matasović 2018 — *Horbec I., Matasović M.* Voices in a country divided: Linguistic choices in early modern Croatia // *Language choice in Enlightenment Europe. Education, sociability, and governance* / ed. by V. Rjéoutski, W. Frijhoff. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. P. 111–142.
- Horbec, Matasović 2019 — *Horbec I., Matasović M.* Latein als “national“, Deutsch als kosmopolitisch? Die Mehrsprachigkeit des kroatischen Adels als Voraussetzung seiner politischen und sozialen Tätigkeit // *Adel und Mehrsprachigkeit in der Frühen Neuzeit. Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen* / hrsg. von H. Glück, M. Häberlein, A. Flurschütz da Cruz. Wiesbaden: Harrassowitz, 2019. S. 145–162.
- Matasović 2008 — *Matasović J.* Iz galantnog stoljeća (kulturnohistorijski fragmenti). Zagreb: Dora Krupićeva, 2008. Kn. 1. 252 s.
- Pálffy 2001 — *Pálffy G.* Magyar arisztokraták — horvát nemesek // *Historia*. 2001. XXXIII. évf. 5–6. sz. 24–28. old.
- Rjéoutski, Frijhoff (eds.) 2018 — *Language choice in Enlightenment Europe. Education, sociability, and governance* / ed. by V. Rjéoutski, W. Frijhoff. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. 234 p.
- Shek Brnardić 2009 — *Shek Brnardić T.* Svijet Baltazara Adama Krčelića. Obrazovanje na razmeđu tridentskoga katolicizma i katoličkoga prosvjetiteljstva. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2009. 263 s.

- Sikirić Assouline 2009 — *Sikirić Assouline Z.* Latinitet u hrvatskom društvu prve polovice 19. stoljeća // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. 2009. Vol. 41. S. 257–265.
- Soós 2005 — *Soós I. II.* József német nyelvrendelete és a “hivatalos” Magyarországnak // Tanulmányok a magyar nyelv ügyének 18. századi történetéből / szerk. F. Bíró. Budapest: Argumentum, 2005. 261–301. old.
- Šidak 1952 — *Šidak J.* Historijska čitanka za hrvatsku povijest. Zagreb: Školska knjiga, 1952. Sv. I. 232 s.
- Štefanec 2013 — *Štefanec N.* Plemstvo // U potrazi za mirom i blagostanjem. Hrvatske zemlje u 18. stoljeću / ur. L. Čoralić. Zagreb: Matica Hrvatska, 2013. S. 91–110.
- Štefanec 2018 — *Štefanec N.* Velikaš hrvatskoga sjevera Petar Troilo Sermage (1722.–1771.) // Ljudi 18. stoljeća na hrvatskom prostoru. Od plemića i crkvenih dostojanstvenika do težaka i ribara / ur. L. Čoralić, I. Horbec, M. Katušić et al. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2018. S. 37–49.
- Šubarić 2015 — *Šubarić L.* From the aftermath of 1784 to the Illyrian turn: the slow demise of the official Latin in Croatia // Latin at the crossroads of identity: the evolution of linguistic nationalism in the Kingdom of Hungary / ed. by G. Almási, L. Šubarić. Leiden; Boston: Brill, 2015. P. 91–217.
- Tóth 2000 — *Tóth I.Gy.* Literacy and written culture in early modern central Europe. Budapest: CEU Press, 2000. 266 p.
- Vitek 2018 — *Vitek D.* Građanstvo Osijeka // Ljudi 18. stoljeća na hrvatskom prostoru. Od plemića i crkvenih dostojanstvenika do težaka i ribara / ur. L. Čoralić, I. Horbec, M. Katušić et al. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2018. S. 97–105.

References

- Adamček, J., 1981. Ekonomsko-društveni razvoj u Hrvatskoj i Slavoniji u 18. st. In: Gross, M., ed. *Društveni razvoj u Hrvatskoj (od 16. stoljeća do početka 20. stoljeća)*. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, pp. 59–82.
- Barić, D., 2015. *Proziran i prezren. Njemački jezik u hrvatskom društvu u prvoj polovini 19. stoljeća*. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, 383 p.
- Biočić, A., 2018. Prosvjetitelj Slavonaca Matija Antun Relković (1732.–1798.). In: Čoralić, L., Horbec, I., Katušić, M. et al. *Ljudi 18. stoljeća na hrvatskom prostoru. Od plemića i crkvenih dostojanstvenika do težaka i ribara*. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, pp. 541–546.
- Bogišić, R., 1995. Hrvatski latinisti u XVIII stoljeću. *Forum*, 34, 5–6, pp. 479–498.
- Cuvaj, A., 1907. *Grada za povijest školstva Kraljevina Hrvatske i Slavonije od najstarijih vremena do danas*. Zagreb: Trošak i naklada Kr. hrv.-slav.-dalm. zem. vlade, Odjela za bogošt. i nastavu, 1, XXIV, 616 p.

- Evans, E. J. W., 2004. Language and state building: The case of the Habsburg Monarchy. *Austrian History Yearbook*, 35, pp. 1–14.
- Fischer, W., 2001. Sprache und soziale Identität im frühneuzeitlichen Binnenkroatien. *Frühneuzeit-Info*, 12, pp. 53–68.
- Glück, H., Häberlein, M., Flurschütz da Cruz, A., eds., 2019. *Adel und Mehrsprachigkeit in der Frühen Neuzeit. Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen*. Wiesbaden: Harrassowitz, 260 p.
- Gortan, V., 1978. Hrvatski latinisti u 18. stoljeću. *Mogućnosti*, 25, pp. 121–127.
- Gortan, V., Vratović, V., (eds.), 1969–1970. *Hrvatski latinisti / Croatici auctores qui latine scripserunt*, 1–2. Zagreb: Matica Hrvatska; Zora, 1024+741 p.
- Horbec, I., 2015. *Zdravlje naroda – bogatstvo države. Prosvijećeni apsolutizam i počeci sustava javnoga zdravstva u Hrvatskoj*. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 377 p.
- Horbec, I., 2018. Lingua monarchica an der Peripherie. Die Rolle der deutschen Sprache im politischen und sozialen Leben Kroatiens im 18. Jahrhundert. *Jahrbuch des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa*, 26, pp. 35–50.
- Horbec, I., Matasović, M., 2018. Voices in a country divided: Linguistic choices in early modern Croatia. In: Rjeoutski, V., Frijhoff, W., eds. *Language choice in Enlightenment Europe. Education, sociability, and governance*. Amsterdam: Amsterdam University Press, pp. 111–142.
- Horbec, I., Matasović, M., 2019. Latein als “national”, Deutsch als kosmopolitisch? Die Mehrsprachigkeit des kroatischen Adels als Voraussetzung seiner politischen und sozialen Tätigkeit. In: Glück, H., Häberlein, M., Flurschütz da Cruz, A., eds. *Adel und Mehrsprachigkeit in der Frühen Neuzeit. Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen*. Wiesbaden: Harrassowitz, pp. 145–162.
- Matasović, J., 2008. *Iz galantnog stoljeća (kulturnohistorijski fragmenti)*, 1. Zagreb: Dora Krupićeva, 252 p.
- Pálffy, G., 2001. Magyar arisztokraták – horvát nemesek. *Historia*, XXXIII, 5–6, pp. 24–28.
- Rjeoutski, V., Frijhoff, W., eds., 2018. *Language choice in Enlightenment Europe. Education, sociability, and governance*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 234 p.
- Shek Brnardić, T., 2009. *Svijet Baltazara Adama Krčelića. Obrazovanje na razmeđu tridentskoga katolicizma i katoličkoga prosvjetiteljstva*. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 263 p.
- Sikirić Assouline, Z., 2009. Latinitet u hrvatskom društvu prve polovice 19. stoljeća. *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*, 41, pp. 257–265.
- Soós, I., 2005. II. József német nyelvrendelete és a «hivatalos» Magyarország. In: Bíró, F., ed. *Tanulmányok a magyar nyelv ügyének 18. századi történetéből*. Budapest: Argumentum, pp. 261–301.

- Šidak, J., 1952. *Historijska čitanka za hrvatsku povijest*, 1. Zagreb: Školska knjiga, 232 p.
- Štefanec, N., 2013. Plemstvo. In: Čoračić, L., ed. *Upotrazi za mirom i blagostanjem. Hrvatske zemlje u 18. stoljeću*. Zagreb: Matica Hrvatska, pp. 91–110.
- Štefanec, N., 2018. Velikaš hrvatskoga sjevera Petar Troilo Sermage (1722. –1771.) In: Čoralić, L., Horbec, I., Katušić, M. et al. *Ljudi 18. stoljeća na hrvatskom prostoru. Od plemića i crkvenih dostojanstvenika do težaka i ribara*. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, pp. 37–49.
- Šubarić, L., 2015. From the aftermath of 1784 to the Illyrian turn: the slow demise of the official Latin in Croatia. In: Almási, G., Šubarić, L., eds. *Latin at the crossroads of identity: the evolution of linguistic nationalism in the Kingdom of Hungary*. Leiden; Boston: Brill, pp. 91–217.
- Tóth, I.Gy., 2000. *Literacy and written culture in early modern Central Europe*. Budapest: CEU Press, 266 p.
- Vitek, D., 2018. Građanstvo Osijeka. In: Čoralić, L., Horbec, I., Katušić, M. et al. *Ljudi 18. stoljeća na hrvatskom prostoru. Od plemića i crkvenih dostojanstvenika do težaka i ribara*. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, pp. 97–105.

Ivana Horbec

PhD, Research Fellow, Institute of Croatian History, Zagreb, Croatia, 10000, Zagreb, Opatička 10. E-mail: ihorbec@isp.hr

Multilingualism in the Croatian lands under the sceptre of the Habsburgs in the eighteenth century

The paper examines the role of multilingualism in Croatian lands under the Habsburg rule during the 18th century. The focus of the research is set on Croatian-Slavonian nobility and other local elites (clergy, officers, physicians, engineers, etc.) as part of the society susceptible to the influence of the educational norms and linguistic policies set by the Habsburg authorities. It provides an insight into the language skills of the 18th-century Croatian society, the impact of educational policy on the language learning and the importance of language choices for social or political representation. It is argued that the culture of the educated, mostly politically active part of the Croatian society remained intensely multilingual until deep into the 19th century due to the specificity of language practices, and that the educational policy of the Court in Vienna contributed more to the affirmation of the national language than did the activity of the Croatian elites. The research is based on archival sources kept in Croatian, Hungarian and Austrian state archives and selected contemporary records (correspondence, memoirs, and publications).

Keywords: multilingualism, Croatian history, Habsburg Monarchy, Vienna court, history of education, history of elites